

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 340.142

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.3.076

Судебное правотворчество в эпоху цифровизации: перспективы и ограничения

Л.А. Емелина¹, С.А. Яворский²

¹ ФГБОУ ВО «Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы При Президенте Российской Федерации», г. Москва

² ООО «БизнесИнТел», г. Москва

Статья посвящена исследованию природы актов высших судов, ставших нормативными, и их классификации как квазинормативных или нетрадиционных источников права. Особое внимание уделяется внедрению искусственного интеллекта в судебную систему России, рассматриваются его потенциал и риски для повышения качества судебных решений. Авторами проанализированы правовые аспекты использования нейронных сетей, выявлены проблемы и предложены стратегические решения для успешной интеграции новых технологий в систему правосудия. В статье подчеркивается необходимость поиска баланса между технологическими инновациями и сохранением правовой традиции. Авторы предлагают несколько ключевых изменений: усиление правового регулирования использования нейронных сетей в судебной практике, внедрение специализированных программ обучения для судей и правоприменителей в области цифровых технологий, а также разработку универсальных алгоритмов для искусственного интеллекта с учетом правовой специфики различных отраслей.

Ключевые слова: *судебное правотворчество, искусственный интеллект, цифровизация правосудия, прецедентное право.*

Ранее отправной точкой процессов цифровизации в гражданском судопроизводстве считалась принятая Правительством Российской Федерации программа развития судебной системы вплоть до 2011 г. [6]. Нужно отметить, что в период до 2020 г. также был осуществлен частичный переход к электронному документообороту. Созданная автоматизированная судебная информационная система сформировала единую правовую базу судебных решений и правовых актов, позже была внедрена форма аудиопотоколирования судебных заседаний.

Тем не менее с точки зрения заслуженного юриста России В.Д. Зорькина проблемы судов и правосудия уже невозможно замалчивать [17, с. 299]. Это обусловлено тем, что задачей судебной власти является правосудие, а не правотворчество, которое существенно изменило правоприменительную практику. Природа актов высших

судов, ставших нормативными, является спорной: такие акты относят к квазинормативным или нетрадиционным источникам права по своему происхождению и юридической силе. Наделение судебных актов высших судов правовой нормативностью было следствием весьма низкой профессиональной подготовки судей в первые годы советской республики, в чем проявился еще и способ централизации власти, последствия которого ощутимы в правоприменительной практике и на сегодняшний день. Такое положение «было обусловлено спецификой данного исторического этапа развития общества» [16, с. 102].

Все заседания Верховного Суда РСФСР были обязательны для судебной системы, а толкование ими законов и разъяснения фактически заменяли пробелы в действующем законодательстве или вовсе подменяли его смысл [11]. Об этом свидетельствуют ссылки на эти источники в судебных решениях. Уже позже Пленум ВС СССР даст прямые указания судам по применению норм закона [9, 10, 12, 13], однако уже в 1998 г. решения Конституционного Суда РФ будут провозглашены источником права [3].

Такое положение противоречит принципу разделения власти и не допускает вмешательства высших судов в деятельность законодателя, а разная трактовка норм законов Пленумами ВС РФ создает правовую неопределенность. Суды в своих решениях все чаще ссылаются на постановления Пленумов уже как на источник права, подменяя этим нормативный правовой акт, главенство которого признает тот же Пленум ВС РФ № 48 [7].

После принятия Конституции РФ в 1993 г. и Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [1] суды должны были использовать разъяснения Пленумов только как рекомендательную базу для обеспечения единообразия применения норм закона в Российских судах. Правовая позиция, сформированная высшими Судами, носит обязательный характер для судей.

В настоящее время ученых все больше интересует судебная практика и ее роль по отношению к источнику права в романо-германской правовой системе. Повышается значимость правовых и законодательных актов, которые приводят к нормотворческой практике судов. Несмотря на это, судебное нормотворчество все же не может больше являться законодательной деятельностью.

Отечественные авторы расширяют правовую природу термина «правовая позиция», обнаруживая при этом совершенно иной подход к источникам права. Все более отдаляясь от науки, такое нормотворческое правоприменение становится специфическим источником права и неким регулятором, лишенным теоретического обоснования. Кроме того, не всегда профессиональное сообщество, включая правоприменителей, четко осознает, что можно считать

правовой позицией, а что нет. На стыке этого противоречия рождаются разногласия между правовыми позициями высших судебных органов.

Правотворчество в настоящее время противостоит некоторым важным правовым явлениям, а именно конкретизации, исключающей нецелесообразность отображения в законе конкретизирующих норм и синхронизации, обеспечивающей сближение смежных отраслей законодательства. Однако так называемое «опережающее правотворчество» субъектов Российской Федерации вряд ли имеет потенциал восполнения правовых пробелов в законодательстве.

Все более тиражируемые ими подзаконные акты в законодательном регулировании подчас можно отнести к суррогатному праву. Хочется вспомнить концепцию Дж. Остина, который предлагал кодифицировать принимаемые судами решения в закрепленные акты, назвав это «Законами судей» (*ratio decidendi*). Ярким примером может служить Обзор практики от 09.12.2020 г. [14], где Верховный Суд РФ фактически взял на себя роль законодателя, установив новые требования относительно процедур, связанных с увольнением или сокращением численности работников. Согласно новому положению при увольнении сотрудников предприятие обязано предложить им свободную вакансию. Работодатель должен исполнять такую новацию, а суды, невзирая на многолетнюю практику, ориентироваться на позицию Верховного Суда, не обращая при этом внимания на явные расхождения новеллы с действующим трудовым законодательством.

Отечественной правовой системе знакомы и такие случаи, когда глава государства и главы ведомств издавали акты в период пандемии COVID-19, заменяющие и ограничивающие действующее законодательство. Таким примером является Указ Президента № 242 [5], установивший нерабочие оплачиваемые дни, что противоречит действующему Трудовому кодексу РФ.

Правотворческая миссия в судебной системе присуща в определенной части и Конституционному Суду Российской Федерации, вырабатывающему более 30 лет правовые позиции с помощью толкования как самой Конституции РФ, так и признания норм законов неконституционными. Следует отметить, что его решения обязательны к исполнению.

Однако правовой характер носят не все акты Конституционного Суда РФ, а его постановления. Можно сделать вывод, что власть в лице Конституционного Суда РФ осуществляет в полной мере правотворческие функции. Возможно, что своим постановлением № 1-П от 21.01.2010 г. [2] Конституционный Суд РФ провозгласил наличие в России прецедентного права, передав при этом Высшему Арбитражному Суду РФ полномочия толкования норм права в процессе рассмотрения дела и последующего дальнейшего обобщения дел со схожими обстоятельствами. Для соблюдения обратного действия нормы

закона, Конституционный Суд РФ использовал норму Арбитражного процессуального кодекса РФ, позволяющую пересматривать решения законных актов, вступивших в силу [4].

Принцип независимости судей в гражданском процессе определен ст. 8 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), а принцип их подчиненности только Конституцией РФ и федеральным законом. Все это идет вразрез с их обязанностью следовать указаниям постановлений Пленумов ВС РФ. Риск отмены судебных решений обязывает их подчиниться вне зависимости от личного и профессионального мнения судей [20, с. 82].

Этот вывод подтверждает ст. 390 ГПК РФ, которая говорит об обязательном следовании букве толкования закона вышестоящим судом при новом рассмотрении дела и полному подчинению этой трактовке судьей нижестоящего суда. Стоит отметить, что ст. 390 ГПК РФ противоречит норме п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ, что говорит о необходимости создания однообразия в толковании и применении судами действующих правовых норм.

В соответствии с выводами Пленума ВС РФ № 23 решение суда будет законным только лишь при точном соблюдении в нем норм процессуального и материального права [8]. Тем не менее норма ч. 3 ст. 330 ГПК РФ допускает наличие не критических ошибок с целью сохранить правовую определенность в решении суда для сторон по делу. Такие разъяснения Пленума возвращают современную судебную систему к известному началу советской правовой культуры, где требовалось установить действительное обстоятельство по делу. В настоящее время есть возможность у высшей судебной инстанции отменить практически любое решение нижестоящего суда, что может породить коррупцию.

Исключить такое негативное явление под силу только внедренному в систему правосудия искусственному интеллекту, что также поможет устранить неэффективные, устаревшие и неоднозначные нормы права, которые допускают их множественное толкование путем коррекции или замены на более прозрачные, не изменив при этом и сам процесс нормотворчества законодателя.

Не можем не отметить и тот факт, что в России значительно сокращается срок принятия законов. Однако в связи с такой интенсивностью падает качество федерального законодательства, а за его пределами резко снижается и качество самих нормативных правовых актов.

В настоящее время пристальное внимание ученые уделяют вопросу внедрения искусственного интеллекта в судебную систему, в частности в область делопроизводства и оценку доказательств, с тем чтобы установить значимые обстоятельства по делу. Позитивной вехой станет запуск сервиса «Правосудие онлайн» в самое ближайшее время, где

возможности искусственного интеллекта лягут в основу создания проектов судебных решений. Предполагается, что подобный электронный помощник будет систематизировать данные и формировать материал, облегчающий процесс принятия судьей решения.

Однако, несмотря на ожидаемое позитивное влияние в части экономики правосудия, профессиональные судьи категорически не приветствуют такое нововведение [19, с. 120], опасаясь, по-видимому, прагматизации права по причине его утилитарности или отказа от правовых ценностей в пользу правовых интересов.

Разделяя этот прагматизм, отметим, что создаваемые алгоритмы искусственного интеллекта могут быть следствием предвзятого отношения к той или иной правовой доктрине как системе обобщения научного отношения к основам права его создателей, что в итоге может формировать неправильные или дискриминационные судебные решения.

Возникает задача, при которой искусственный интеллект должен дать такой совет, чтобы, к примеру, мнение судьи при вынесении им решения по делу осталось свободным и нейтральным от субъективного мнения цифрового помощника в судебных спорах. Кроме того, искусственный интеллект вряд ли способен понять дух закона и, более того, применить аналогию закона. Мы можем однозначно утверждать, что роль человека в качестве судьи на процессе незаменима.

Правовую неопределенность также может создать и отсутствие четкого правового регулирования использования в правовой сфере инструментов нейронных сетей как основы искусственного интеллекта. Недостаток квалифицированных специалистов (юристов, программистов, инженеров баз данных) также может не только замедлить процесс внедрения искусственного интеллекта, например в судопроизводство, но и значительно повысить уровень выдаваемых им ошибок.

Таким образом, решение перечисленных проблем требует серьезного подхода и пристального внимания со стороны законодателя, а также выработки стратегических решений, позволяющих реализовать на практике задачи внедрения новых технологий в систему российского правосудия. После успешной реализации в судебной процедуре формы электронного правосудия она может быть внедрена и в национальную инновационную систему.

Эту дискуссию мы развили во время обсуждения нашего научного доклада, посвященного проблеме судебного нормотворчества, на международной научно-практической конференции «Защита публичных интересов в сфере традиционных семейных и иных духовно-нравственных ценностей», проходившей 28.03.2024 г. в Институте государства и права Российской академии наук. Обсуждение

происходило во время работы секции «Процессуальные средства защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проблемы и перспективы». В процессе обсуждения ученые пришли к обоснованному мнению, что отменить решение нижестоящей инстанции при наличии «подсказки» со стороны искусственного интеллекта без явных нарушений будет невозможно. Это позволит устранить неопределенность и неоднородность в судебной практике. Кроме того, авторы статьи пришли к общему выводу, что искусственный интеллект не отменит принцип независимости судей при принятии решений, но сделает их работу более прозрачной и понятной для сторон по делу.

Применение искусственного интеллекта должно ограничиваться подсказками при решении судебных задач с целью сохранить независимость судебной системы изнутри. Также нельзя допускать и создание новой, конкурирующей формы авторской нормативности и правотворчества в части толкования и применения закона.

Мы убеждены, что опасения известных ученых по поводу судебного толкования права и его функции фактически балансируют с отказом большинства судов, поскольку на сегодняшний день напрямую применять нормы права не обоснованно. Подчас выбор сваливается в сторону нарушения данной функции с невозможностью в последующем квалифицирующем признании отказа суда в применении нормы права.

На наш взгляд, искусственный интеллект исключит возможность отказа в правосудии создаваемым судебным нормотворчеством и зарождающимся прецедентным правом в России, который свойственен лишь для стран англосаксонской правовой традиции как нетипичный источник права. Тем самым повысится само качество судебных решений. Однако содержащие право прецеденты могут выйти за рамки рекомендательных норм, пересиливая обязывающие (презюмированные – прим. авторов) правоположения.

Цифровизация играет значительную роль в усилении судебной системы как органа власти над законодателем за счет более гибких и прагматичных решений, объединяя в своих мотивированных решениях как судебную практику, так и теорию права. Тем самым создается новый виток судебного правотворчества. Следовательно, нам нужно искать баланс не только между желанием судов быть источником права, ограничив эти рамки положением законодателя, но и пределами защиты правовых ограничений в области взаимодействия человека и активно развивающихся технологий. Например, это может касаться вопросов защиты персональных данных. Однако не стоит сбрасывать со счетов и вполне обоснованное мнение о том, что цифровые технологии могут стать источником нормотворческих процессов, предвосхищая таким образом появление и создание новых правовых актов. В результате

заполняется на некоторое время сложившийся правовой вакуум [15, с. 8].

Стоит заметить, что цифровизация не может быть абсолютно применимой во всех отраслях права. Так, в вопросах, касающихся семейных правоотношений, суды часто обращают внимание на особые обстоятельства по каждому делу. Такое обстоятельство будет препятствовать разработке универсального алгоритма, подходящего для решения подобных казусов [18, с. 149].

Сегодня правовое сообщество, с одной стороны, возлагает большие надежды на искусственный интеллект по причине недоверия человеку и его субъективным решениям, а с другой – не доверяет самому искусственному интеллекту по причинам сложности и непрозрачности его алгоритмов для судей, прокуроров, сторон по делу, юристов и адвокатов. Несмотря на это противоречие, процесс внедрения искусственного интеллекта в судебную систему неизбежен и нуждается в регулировании его деятельности процессуальным законодательством.

Мы убеждены, что проверка судебных решений искусственным интеллектом только повысит качество правосудия и вернет доверие общества к беспристрастности, прозрачности и справедливости судов как независимого органа власти.

Подводя итог исследования, мы можем сделать вывод, что искусственный интеллект может оказать позитивное и оздоровительное влияние на судебную систему в целом и сделать неизбежным вычленение из судебных решений человеческого фактора. Цифровые технологии могут освободить судей почти от векового и нередко обязательного следования догматическим положениям устаревших, в ряде случаев даже противоречащих действующему законодательству положений Пленумов и постановлений. Кроме того, судебные решения могут стать более предсказуемыми и понятными профессиональному сообществу и общественности благодаря возможности проведения их правового анализа. Только тогда судебная система обретет статус института власти, стоящего на страже важнейших конституционных принципов отечественной государственности.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022 г.) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023 г.) // РГ.1997. № 3.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ “Карболит”, “Завод «Микропровод»” и “Научно-производственное

предприятие «Респиратор»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 2.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ // РГ. 1998. № 121.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.) // РГ. 2002. № 137.

5. Указ Президента РФ от 23.04.2021 г. № 242 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в мае 2021 г.» // РГ. 2021. № 89.

6. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 г. № 583 (ред. от 01.11.2012 г.) «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2007–2012 годы» // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. № 23 (ред. от 23.06.2015 г.) «О судебном решении» // РГ. 2003. № 260.

9. Закон СССР от 30.11.1979 г. «О Верховном Суде СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 842.

10. Закон СССР от 12.02.1957 г. «Об утверждении Положения о Верховном Суде СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 104 и 105 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 4. Ст. 84, 85.

11. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «Об утверждении Положения о Судеустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

12. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Положения о судеустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

13. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.03.1921 г. «Положение о высшем судебном контроле» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

14. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4.

15. Блажеев В.В. Введение // Цифровое право: учебник / А. Дюфло, Л.В. Андреева, В.В. Блажеев [и др.]. М.: Проспект, 2020. 640 с.

16. Емелина Л.А. Семейная парадигма эволюционного процесса российского общества: опыт историко-правового исследования // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования Российской Федерации О.Ю. Ильиной. М.: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2023. С. 100–107.

17. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. 495 с.

18. Ильина О.Ю. Аналоговый и цифровой подходы к формированию базовых компетенций юристов: борьба и единство противоположностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 2 (58). С. 144–155.

19. Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в правосудии: юридико-психологические аспекты правоприменения // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 2. С. 116–124.

20. Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации: монография. М.: Городец, 2021. 398 с.

Об авторах:

ЕМЕЛИНА Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук; доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики ФГБОУ ВО «Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы При Президенте Российской Федерации» (Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 82); SPIN-code: 4545-3214, AuthorID: 451805, e-mail: urconsul1@yandex.ru

ЯВОРСКИЙ Сергей Анатольевич – юрист компании ООО «БизнесИнТел» (108808, г. Москва, вн.тер.г. поселение Первомайское, п. Первомайское, ул. Центральная, д. 24); SPIN-код: 1205-5526, AuthorID: 1246219, e-mail: 491899@mail.ru

**Judicial law-making in the era of digitalisation:
prospects and limitations**

L.A. Emelina¹, S.A. Yavorsky²

¹ Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow

² LLC «BusinessInTel», Moscow

The article is devoted to the study of the nature of acts of higher courts that have become normative and their classification as quasi-normative or non-traditional sources of law. Special attention is paid to the introduction of artificial intelligence in the judicial system of Russia, its potential and risks for improving the quality of judicial decisions are considered. The authors analyse the legal aspects of the use of neural networks, identify problems and propose strategic solutions for the successful integration of new technologies into the justice system. The article emphasises the need to find a balance between technological innovation and preservation of legal tradition. The authors propose several key changes: strengthening legal regulation of the use of neural networks in judicial practice, introduction of specialised training programmes for judges and law enforcers in the field of digital technologies, as well as the development of universal algorithms for artificial intelligence, taking into account the legal specifics of various industries.

Keywords: *judicial lawmaking, artificial intelligence, digitalisation of justice, case law.*

About authors:

EMELINA Ludmila – PhD in Law; Associate Professor of the Department of Legal Support of Market Economy of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russia, Moscow, Vernadskogo Avenue, 82), SPIN-code: 4545-3214, AuthorID: 451805, e-mail: urconsul1@yandex.ru.

YAVORSKY Sergey – lawyer of the company LLC "BusinessInTel" (108808, Moscow, Pervomayskoye settlement, Pervomayskoye village, Centralnaya street, 24), SPIN-код: 1205-5526, AuthorID: 1246219, e-mail: 491899@mail.ru

Емелина Л.А., Яворский С.А. Судебное правотворчество в эпоху цифровизации: перспективы и ограничения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 76–85.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.